

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2022-70-4-51-58

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВАКХИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «ДРАМА НА ОХОТЕ»

© Ольга Димитриева

FUNCTIONING OF BACCHIC VOCABULARY IN A. CHEKHOV'S NOVEL "THE SHOOTING PARTY"

Olga Dimitrieva

The article examines the functioning of the lexical semantics of 'alcohol consumption' in the fictional world of the work. The purpose of the study is to analyze the Bacchanalian vocabulary, its contextual environment and determine its role in the creation of micro- and macro-worlds of the protagonist. The study is based on a selection of examples containing bacchanalian vocabulary from A. Chekhov's detective novel "The Shooting Party" (1884). We mainly use the linguostylistic method, lexico-semantic and contextual analyses and, partially, a statistical data analysis. Based on the corpus data, the article reveals that the lexeme "drunk" becomes a frequency in A. Chekhov's works and expands its valence properties, marking certain qualities of a person. Our analysis shows that utilitarian evaluation is characteristic of Sergei Zinoviev (Kamyshev) and Count Karneev, while emotional and sensual evaluation is the main characteristic of Urbenin. The article determines that the bacchanalian detail becomes a marker of the count's constant addiction, and explicates a change in the state of the main character, Olga Skvortsova. The Bacchanalian world becomes desirable for the protagonist, as it differs from the current world of boredom and idleness by its activity and a thirst for action, which is verbalized by mean of emotional and evaluative vocabulary.

Keywords: bacchic vocabulary, semantics, mentality, wine drinking situation, drinking culture, idiostyle, A. Chekhov, individual authorial interpretation

В статье рассматривается функционирование лексики с семантикой «употребление спиртного» в художественном мире произведения. Целью исследования является анализ вакхической лексики, ее контекстуального окружения и определение роли в создании микро- и макромиров героя. Материалом для исследования послужила выборка примеров, содержащих вакхическую лексику, из повести А. П. Чехова «Драма на охоте» (1884). Основные методы, применяемые в работе, – это лингвостилистический метод, лексико-семантический, контекстуальный анализ и частично анализ статистических данных. На основе корпусных данных выявлено, что лексема *пьяный* становится частотной в произведениях А. П. Чехова и расширяет свои валентностные свойства, маркируя те или иные качества человека. Анализ показывает, что утилитарная оценка характерна для Сергея Зиновьева (Камышева) и графа Карнеева, эмоционально-чувственная оценка является главной характеристикой Урбенина. Определяется, что вакхическая деталь становится маркером постоянного пристрастия графа, а также эксплицирует перемену в состоянии героини – Ольги Скворцовой. Вакхический мир становится для главного героя желанным и отличающимся от текущего мира скуки и безделья своей активностью и жадой действия, что вербализуется эмоционально-оценочной лексикой.

Ключевые слова: вакхическая лексика, семантика, ментальность, ситуация винопития, культура питания, идиостиль, А. П. Чехов, индивидуально-авторская интерпретация

Вводные замечания. Изучение гастрономической лексики в произведениях А. П. Чехова

В настоящее время гастрономия становится предметом изысканий разного рода исследователей: философов, искусствоведов, филологов и др. (см. обширную библиографию работ в [1]).

А. В. Павловская обосновывает введение термина «гастрософия» как междисциплинарного направления исследований, объектом изучения которого является пища, «ее бытование в обществе и традиции ее приема в историко-культурном и социальном аспектах, как фактор исторического развития человека и общества, как часть повсе-

дневной культуры человечества» [2, с. 39]. Особый интерес представляют филологические работы, посвященные роли кулинарной детали в организации художественного пространства текста. «Располагаясь в различных сегментах текста, „еда“, – пишет Г. П. Козубовская, – становится конструктивным узлом, стягивающим нити сюжета» [3, с. 445]. То, что еда становится своего рода скрепой, соединяющей сюжетные линии, а также те или иные мотивы, находит свое подтверждение в употребляемом Г. П. Козубовской термине «семантический комплекс еды / пищи» [1], [3].

Функционирование пищевой лексики в прозе А. П. Чехова рассматривается в литературоведческих работах как часть кулинарного кода, представленного в мотиве еды [4] / архетипе еды [3] на примере отдельных рассказов; в лингвистических работах – как источник образной номинации (кулинарные метафоры [5]), как ряд слов в составе тематической группы «Пища» (*питание, пропитание, довольствие, харчи, снесь* и т. д.) с определением их стилистической маркированности [6] и как часть гастрономической национальной картины мира в целом [7], [8].

Предмет рассмотрения данного исследования – функционирование вакхической лексики, которая является составной частью гастрономической. В состав ситуации винопития включаются, во-первых, наименования спиртных напитков; во-вторых, номинации собственно действий, вербализуемых, как правило, глаголами, которые, с одной стороны, обозначают действия, сопровождающие процесс винопития (*налить, поднять бокал* и т. п.), с другой – действия, называющие непосредственно процесс поглощения жидкости (*осушить бокал, пить, выпить, допить вино* и т. п.), а также действия – номинанты состояния (*напиться, окосеть, подвыпить* и т. д.); в-третьих, включают лексику со значением собственно состояния: это могут быть как глаголы, так и прилагательные (*пьяный, нетрезвый* и их дериваты). Помимо описания самого процесса употребления спиртного, сюда может входить речевое сопровождение (тосты, краткие речевые клише типа *ну будем!* и др.), звуковые характеристики процесса (*выпил и крикнул*), ольфакторные свойства (*запах*), ритуальные вакхические действия (*выпить на дорожку / на посошок; обмыть попку; накрыть поляну; проставиться* и др.). В некоторых случаях предметом особого описания становится место принятия пищи и спиртного – так называемый локус – специальное заведение (*кафе, бар, ресторан, таверна, салун* и т. п.) или место в доме, помещении (*гости-*

ная, кухня, столовая и т. д.). Участник процесса может обозначаться особой лексемой, но эти названия чаще всего имеют негативно выраженную оценку (*пьяница, алкоголик, собутыльник* и др.). В свою очередь, само «вакхическое» событие получает разные названия – например, *праздник, застолье, фуришет, вечеринка* и т. д.

При всей кажущейся общности элементов описания вакхической ситуации следует отметить, что в мире художественного произведения она «обрастает» индивидуально-авторскими коннотациями, обусловленными мировоззрением писателя и его жизненным опытом и взглядами. Первый слой, лежащий на поверхности, – это эксплицитные оценочные средства, которые часто словообразовательно маркированы: например, анаграммы и контаминации в произведениях Н. С. Лескова (спиртной напиток *лампоно* – анаграмма от слова *пополам*; *глас выпивающий* – контаминация от «глас вопиющего в пустыне» – здесь присутствуют элементы паронимической аттракции); прилагательные у Ф. М. Достоевского (*пьяный – пьяненький (пьяненькой); мертвопьяный* и др.). Второй слой – имплицитный, выявляемый на основе многочисленных контекстов и словоупотреблений: таково прилагательное *веселый* и его дериваты – существительное (*веселость*) и глагол (*веселиться*), которые имеют негативную окраску в художественном мире Л. Н. Толстого. Третий коннотативный слой создается общей доминирующей субъективной модальностью текста: комической – у Н. С. Лескова, этически маркированной – у Л. Н. Толстого, эстетически обрамленной в произведениях А. С. Грина, М. А. Булгакова, танатальной – в романе Д. С. Мережковского «Петр и Алексей». Не стоит абсолютизировать данное положение и считать, например, что во всех своих произведениях Л. Н. Толстой только негативно осмысливает процесс винопития сквозь призму христианской философии: в повести «Альберт» мы считываем сопереживание герою, эмпатию, отсутствие явного негативного отношения. Или в одной из частей трилогии «Христос и антихрист» Д. С. Мережковского – «Юлиан Отступник» – содержится сцена эстетически насыщенного описания бутылки столетнего *антосмия* и подготовки к его употреблению. Ясно, что в рамках произведений одного автора можно рассмотреть периодизацию его творчества, в том числе и то, как происходило изменение его отношения к осмыслению ситуации винопития. Но в целом изменение взглядов автора не принципиально меняют его тезаурус, лексика практически остается та же самая и зависит в большей степени от цели, преследуемой автором произведения.

Итак, застолье и употребление спиртного часто включается в сюжетобразующую канву произведения. В ряде рассказов А. П. Чехова, таких как «Беседа пьяного с трезвым чёртом», «Пьяные», «Средство от запоя», «Шампанское», «Шампанское (Мысли с новогоднего похмелья)», «Женщина с точки зрения пьяницы» (анализ данного рассказа представлен в статье В. В. Картерминой, А. М. Примы [9]), вакхическая лексика выносится в заглавие, что дополнительно подчеркивает обусловленность событий рассказа ситуацией винопития и их взаимосвязь. Лексика с семантикой винопития в произведениях А. П. Чехова становится источником для образной номинации других сфер: например, сферы творчества и процесса создания «настоящей литературы». Автор сравнивает литературный шедевр с «каплей алкоголя», которая способна изменить состояние человека (см. [5, с. 193]). Повесть А. П. Чехова «Драма на охоте» [10], на материале которого проводится анализ, содержит характеристики героев, описание их микро- и макромиров, в которые так или иначе вписывается их «взаимодействие» со спиртным, отношение к нему, репрезентируемое различными языковыми средствами.

Лексема *пьяный*: особенности контекстуального окружения в повести А. П. Чехова «Драма на охоте»

Слово *пьяный* в Толковом словаре русского языка имеет следующие значения: «1. Нетрезвый, сильно охмелевший, напившийся спиртного. <...> 2. Свойственный охмелевшим, опьяневшим людям. <...> 3. Заставляющий быстро хмелеть, опьяняющий (разг.). <...> 4. перен., от чего, чем. Находящийся в состоянии восторга, экстаза, самозабвения от какого-н. сильного переживания, ощущения» [11, с. 1088]. Прежде чем рассмотреть особенности употребления слова *пьяный* в повести А. П. Чехова «Драма на охоте», сравним использование его в художественных произведениях Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и А. П. Чехова по данным Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ – О. Д.) [12]. Выборка примеров проводится по пользовательскому подкорпусу: 1) художественные тексты Ф. М. Достоевского в НКРЯ представлены в виде 24 документов (1619523 слова), причем лексема *пьяный* встречается в 17 документах 388 вхождений, что составляет около 0,024%; 2) произведения Л. Н. Толстого – 30 документов (1260190 слов), с рассматриваемой лексемой 22 документа 141 вхождение – 0,011%; 3) произведения А. П. Чехова – 270 документов (803217 слов), 70 документов 249 вхождений

(0,033%). Из приведенных данных можно сделать вывод о том, что А. П. Чехов обращается к слову *пьяный* чаще других авторов.

Мы уже ранее отмечали особую роль прилагательного, обозначающего состояние человека после употребления спиртного, в художественном мире Ф. М. Достоевского, а также разнообразие адъективов, используемых автором как в деривационном плане (*пьяный, пьяненький, пьяный-препьяный, мертво-пьяный* и др.), так и в плане широкого синонимического ряда (*хмельной, (не)тверезый, (не)трезвый, вакхический* и т. п.) (подробнее см. [13]). Что касается художественного мира в произведениях Л. Н. Толстого, то прилагательное не является «излюбленным» средством оценки состояния человека, употребляющего спиртное: в такие описания «подключаются» другие языковые средства [14].

Рассмотрим некоторые общие моменты при употреблении прилагательного *пьяный*, характерные для трех авторов. Здесь мы подробнее остановимся на втором словарном значении, связанном с выделением проявлений / свойств, присущих нетрезвому человеку. Самым частотным эксплицируемым изменением является характеристика голоса: *пьяный голос / голосок* (Достоевский), причем могут добавляться дополнительные признаки, такие как тембр – *сиплый* (Достоевский), *пьяные хрипящие звуки запыхавшегося голоса* (Толстой); сила голоса (*пьяный крик / крики / покрикиванья / рев*) или номинируется лицо в целом по приведенному признаку (*пьяные горланы* (Достоевский)). Следующая черта, отмечаемая авторами, – это изменения в лице: *пьяное, веселое лицо; старое и пьяное лицо* (Толстой); *пьяные лица* (Чехов); у Достоевского и Чехова появляется негативно окрашенное, сниженное – *пьяная рожа, пьяная харя* (Достоевский), *пьяная физиономия* (Чехов). Иногда указываются другие изменения во внешнем облике человека: *пьяные глаза* (Толстой); *мутные, точно пьяные глаза* (Чехов); фразеологизм *с пьяных глаз* (Достоевский). Еще одним соматизмом, используемым в сочетании с рассматриваемой лексемой, является язык: *пьяным, путающимся языком* (Чехов). Далее следуют индивидуально-авторские характеристики эмоциональной (например, *пьяное бешенство, пьяный восторг*) и ментальной сфер (*пьяные думы, в пьяных мозгах*).

Интересными представляются валентностные свойства слова *пьяный* в повести А. П. Чехова «Драма на охоте», общее число вхождений лексемы составляет 45. Сюда относятся описание качеств персонажа, его эмоциональное и ментальное состояние (*пьяная удаля, пьяное бешенство, мечты пьяные, в пьяных мозгах*); прояв-

ляющиеся изменения в физическом облике (*уз-
нать пьяную <...> руку моего друга, пьяная ма-
нера морщиться, молоть пьяным <...> языком,
пьяный организм*), а также воссоздающие обоб-
щенный образ героя характеристики (*вошел уже
в свою пьяную роль, в пьяном безобразии*).

Образ героя повести А. П. Чехова
«Драма на охоте»: вакхическая деталь
в организации его микро- и макромира

В описание характеристик главных персона-
жей повести Сергея Зиновьева (судебного следо-
вателя), или как впоследствии оказывается Ивана
Петровича Камышева, являющегося автором
принесенной рукописи и непосредственным уча-
стником описываемых событий; графа Карнеева,
управляющего графским имением Урбенина, и
Ольги Скворцовой, дочери сумасшедшего лес-
ничего, включается вакхическая деталь, тем или
иным образом репрезентирующая, с одной сто-
роны, качества персонажа, с другой – продви-
гающая сюжетную линию повести.

С самого начала повести для Сергея Зиновье-
ва (Камышева) ситуация винопития и смена со-
стояния становится зоной перехода в отличаю-
щийся от настоящего – «скудного» и «ленивого»
– момента в мир, «полный эффектов». Рассмотрим
следующие примеры:

(1) К тому же ехать к графу – значило еще раз
окунуться в жизнь, которую мой Поликарп
величал «свинюшником» и которая <...>
расшатывала мое крепкое здоровье и
сушила мой мозг. Эта беспутная, не-
обычная жизнь, полная эффектов и
пьяного бешенства, не успела подорвать мой
организм <...> Пришла мне на память моя пьяная
удаль, не знающая границ в своей
шири, сатанинской гордости и пре-
зрении к жизни [10, с. 18–19] (здесь и далее
разрядка наша. – О. Д.);

(2) Это вино окончательно меня ра-
зобрало. Получилось опьянение, какого я именно и
хотел, когда ехал к графу. Я стал чрезмерно бодр ду-
шою, подвижен, необычайно весел. Мне захоте-
лось подвига неестественного, смешного, пус-
кающего пыль в глаза... В эти минуты, мне казалось,
я мог бы переплыть всё озеро, открыть самое запу-
танное дело, победить любую женщину... Мир с
его жизнями приводил меня в вос-
торг, я любил его, но в то же время хотелось
придираться, жечь ядовитыми остротами, издевать-
ся... <...> Мечты пьяные, но одна дру-
гой грандиознее и безграничнее, ох-
ватили мой молодой мозг... Получил-
ся новый мир, полный одуряющей
прелести и не поддающихся описанию
красот [10, с. 64–65].

В первом фрагменте основной является рет-
роспективная оценка главного героя, воспроиз-
водящего в памяти события двухлетней давности
(параллельно с ней приводится мнение слуги, на-
зывающего произошедшее «свинюшником»).
Самооценка Камышева амбивалентна: с одной
стороны, он понимает отрицательные физиоло-
гические последствия для организма (*расшаты-
вать здоровье, сушить мозг, (не успеть) подор-
вать организм*), психические изменения (*пьяное
бешенство, беспутная жизнь*), с другой – мир
опьянения вербализуется выражениями с поло-
жительной семантикой, такими как *необычная
жизнь, полная эффектов; пьяная удаль*, что за-
ставляет героя физически желать изменений –
тело <...> захотело движений.

Второй отрывок воспроизводит текущую
вакхическую ситуацию, включающую как ин-
троспективный анализ своего состояния героем,
так и анализ происходящих изменений во внеш-
нем мире, причем первый репрезентируется
краткими прилагательными с семантикой поло-
жительных эмоций, испытываемых героем
(краткая форма подчеркивает временность со-
стояния – *бодр, подвижен, весел*), а также глаго-
лами активного действия (*переплыть, открыть,
победить*) и негативного речевого воздействия
на адресата (*придираться; жечь остротами; из-
деваться*); второе описание содержит причастия
и полные прилагательные, вводящие константы
«обновленного» окружающего мира, способом
перехода в который является алкогольное по-
гружение в мечту (компаративы *грандиознее и
безграничнее*). Камышев испытывает глубокие
позитивные чувства к миру – *я любил его* – одно-
временно стараясь удержаться в реальности (*не-
доставало только, чтоб...*).

Итак, Камышев довольно детально структу-
рирует свой внутренний мир (физическое и пси-
хическое состояние) и вакхический макромир,
который для него является желанным (телеоло-
гическая оценка – *получилось опьянение, какого я
именно и хотел*) и с которым он «вступает» во
взаимодействие: воздействует на окружающих,
сквозь призму его оценок приводится ход про-
изошедшей истории, а также взгляд на других
участников события, их характеристика.

Описание графа Карнеева Сергей Зиновьев
(Камышев) дает на основе сравнения с самим со-
бой, пытаясь определить так называемые общие
«духовные интересы»:

Я и граф – сверстники. Оба мы кончили курс в
одном и том же университете, оба мы юристы и оба
очень мало знаем: я знаю кое-что, граф же за был и
утопил в алкоголе всё, что знал ко-

гда-нибудь. Оба мы гордецы и, в силу каких-то одним только нам известных причин, как дикари, чуждаемся общества. Оба мы не стесняемся мнением света (т. е. С-го уезда), оба безнравственны и оба плохо кончим [10, с. 22].

Анафора *оба мы* каждый раз вводит то или иное общее качество как интеллектуального плана, так и психологического, причем практически во всех случаях между ними стоит знак равенства, за исключением характеристик умственных способностей. В последнем случае приводится градация (*я знаю кое-что*) сквозь призму отношения графа к алкоголю (*забыл и утопил в алкоголе всё, что знал когда-нибудь*).

В повести граф Карнеев часто оказывается нетрезв. Одной из постоянных деталей, его характеризующих, является специфическая манера употребления спиртного, которая упоминается несколько раз в течение повести, — это питье водки в сочетании с водой и особые, сопровождающие этот процесс, телодвижения и мимика: *граф после обеих рюмок сладко поморщился и покачал головой* [10, с. 48].

Вакхические сцены, в которых принимает участие граф и неразлучный с ним компаньон — Сергей Зиновьев (Камышев), с одной стороны, содержат подробные описания обстановки, застолья (1), с другой — конкретные детали опускаются, уступая место полунамекам (2):

(1) Мы отправились в столовую. Тут, на сервированном столе, уже «кипела жизнь». Бутылки всех цветов и всевозможного роста стояли рядами, как на полках в театральных буфетах, и, отражая в себе ламповый свет, ждали нашего внимания. Соленая, маринованная и всякая другая закуска стояла на другом столе с графином водки и английской горькой. Около же винных бутылок стояли два блюда: одно с поросенком, другое с холодной осетриной... [10, с. 56];

(2) По отъезде визитеров я и граф сели за стол и продолжали завтракать. Завтракали мы до семи часов вечера, когда с нашего стола сняли посуду и подали нам обед. Молодые пьяницы знают, как коротать длинные антракты [10, с. 109].

В первом отрывке сервированный стол метафоризируется и персонифицируется (*кипела жизнь*; [бутылки] *ждали нашего внимания*). Визуальная оценка (*всех цветов*; *всевозможного роста*; *отражая ламповый свет*) и детальное описание закуски отвечают настроению главного героя-рассказчика, для которого процесс употребления спиртного — способ достижения желае-

мого состояния, перехода в мир «*одуряющей прелести*». Во втором фрагменте глагол *завтракать*, семантика которого предполагает прием пищи в определенные утренние часы, расширяет свои временные рамки с помощью окружающего контекста: фазисной связки *продолжать*, темпорального сочетания *до семи часов вечера*; глагола, содержащего способ заполнения времени, *коротать*; прилагательного *длинные (антракты)*, что в целом также соответствует интенциям участников события, их настрою и способу времяпрепровождения.

Одной из особенностей описания ситуации винопития является ее утилитарная оценка: Камышев постоянно отмечает влияние спиртного на здоровье (*сушит мозг, расширявает мое крепкое здоровье; нет физической силы, нет ловкости, нет выносливости...* [10, с. 246]); граф Карнеев говорит о своем здоровье и склонности к питью спиртного (*сразу нездорово бросать, вся печень испорчена от долгого питья*).

Если для графа и для Зиновьева (Камышева) употребление спиртного — это способ достижения желаемого состояния, уход из мира реальности «*щекочущими нервы переходами*» [10, с. 69], то для управляющего графа Петра Егорыча Урбенина — это способ облегчить свое состояние, он пьет «с горя». Приведем два фрагмента: в первом — описывается ситуация, когда Урбенин еще не решается сделать предложение Оленьке Скворцовой и переживает невозможность изменения текущей ситуации, обусловленную разницей в возрасте, вдовством героя (1), во втором — будучи его женой, Ольга уходит к графу Карнееву в поисках богатства, оставляя Урбенина одного (2):

(1) « — Да, а теперь пью... Ужасно пью! — шепнул он [Урбенин]. — Ужасно, день и ночь, не давая себе ни минуты отдыха! И граф никогда не пил в такой мере, в какой я теперь пью... Ужасно тяжело, Сергей Петрович! Одному только богу ведомо, как тяжело у меня на сердце! Уж именно, что с горя пью... » [10, с. 63].

(2) Лица его [Петра Егорыча] я не видел. Оно было закрыто руками. <...> Перед ним стояли две бутылки. Одна пустая, другая только что начатая. Обе были водочные. Бедняга искал мира не в себе самом, не в людях, а в алкоголе [10, с. 158].

В отличие от графа и Камышева Урбенин не произносит речей, оценивающих состояние своего здоровья, или высказываний о влиянии алкоголя на организм. В его фразах преобладают оценки эмоционально-чувственной сферы: триж-

ды повторяемое слово *ужасно* подчеркивает количественный аспект (*ужасно пью*), в последнем предложении, находясь при слове категории состояния *тяжело*, наречие выделяет качественный аспект – меры испытываемого чувства; само слово *тяжело* упоминается дважды и далее выводится причина – *с горя*. Второй фрагмент представляет уже не рефлексии самого героя, а взгляд со стороны, оценку Сергея Камышева: обстоятельство места *перед ним* эксплицируют одиночество героя (сходно описание Мармеладова у Ф. М. Достоевского [13]). Указание на количество (*две бутылки*) вновь становится маркером перехода в сферу чувств (*искал мира*).

Рассмотрим еще один пример, содержащий описание Урбенина в конце повести (после его пребывания в городе):

Он [Урбенин] до того изменился, что я едва узнал его. Безделье и пьянство последнего времени сильно сказывались как на его платье, так и на наружности: платье было изношено, лицо тоже [10, с. 201].

Визуальная оценка внешнего вида героя, построенная на основе зевгмы (нарушении закона логического тождества) – *платье было изношено, лицо тоже*, обусловлена эксплицированной причиной – *безделье и пьянство*. Таким образом, пьянство Урбенина не имеет такого ярко выраженного эгоистического, замкнутого на себе характера, как пьянство Камышева и графа Карнеева.

Образ Ольги – поэтической «девушки в красном» – чаще репрезентирован анималистическим / бестиарным и флористическим кодом (см. [15], [16]). В некоторых случаях оценка ее героем происходит и сквозь призму кулинарного кода, в том числе вакхической лексики. Рассмотрим следующие два примера:

(1) Несмотря на выпитый бокал шампанского, она [Оленька Скворцова] была невесела и угрюма по-прежнему... <...> Она молчала, лениво отвечала на все вопросы, насильно улыбалась островам графа и едва касалась дорогих кушаний... [10, с. 123];

(2) Граф положил гостю полкуропатки... Она [Ольга] отрицательно покачала головой, потом же как бы машинально взяла вилку и нож и начала есть. За куропаткой следовала большая рюмка вина, и скоро от слез не осталось никакого следа, кроме розовых пятен около глаз да редких глубоких вздохов [10, с. 155].

Оба фрагмента даны под углом зрения внешнего наблюдателя – Зиновьева (Камышева). В

первом фрагменте описывается свадебный обед, и герой замечает несоответствие между совершаемыми действиями (*выпитый бокал шампанского, едва касалась кушаний*), предполагаемым производимым эффектом (*несмотря на...*) и настроением невесты (*невесела и угрюма; испуг в глазах*). Во втором примере, убежав от мужа к графу, Ольга ведет себя совершенно иным образом: отказавшись от еды, потом она начинает есть предложенную пищу и пьет вино. В ее внешности также происходят изменения: *от слез не осталось никакого следа*. Вторая зарисовка на фоне первой заставляет сомневаться в искренности чувств героини и в первый момент озадачивает Камышева, который тогда еще не в полной мере предполагал намерений Ольги. Итак, еда и питье становятся своего рода детекторами внутреннего, душевного состояния и степени искренности.

Приведенные выше фрагменты, содержащие характеристики качеств персонажей, не являются в полной мере исчерпывающими, но они являются репрезентативными в плане «предсказуемости» последующих их действий и поступков. Так, эгоизм и скука Камышева, в высшей степени проявляющиеся в его «вакхическом» мире, «полном эффектов», обуславливают его поведение по отношению к другим людям: он бьет «карнеевского мужика» – гребца на лодке; оказывается способным в гневе на убийство Ольги; ложно обвиняет в нем Урбенина; в конце повести Камышев говорит о своей способности заглушить совесть с помощью вина и женщин [10, с. 258]. Граф Карнеев женился под влиянием спиртного, а не внутреннего решения, в конце концов он теряет свое имя и окончательно спивается. Для этих героев «связь с вином» не прекращается, она является довлеющей.

Выводы

Таким образом, помимо того, что основную сюжетную канву повести составляет описание ситуации винопития, которая зачастую является фоном для разворачивающихся событий, отметим следующие особенности, характеризующие основных персонажей:

1. Герои повести рефлексиируют по поводу своего пристрастия к спиртному, причем рассказчик Сергей Зиновьев (Камышев) и граф Карнеев характеризуют себя сквозь призму утилитарной оценки, с точки зрения приносимой пользы или испытываемого ими вреда для организма (в такие высказывания часто подключаются слова из сферы физиологии – *печень, мозг*). Управляющий Урбенин описывается посредством лек-

сики эмоционально-чувственной сферы (*с горя; искал мира*).

2. Интроспективный взгляд главного героя Камышева эксплицирует желание перехода в другой яркий «вакхический» мир, вербализуемый эмоциональной оценочной лексикой – *одуряющей прелести*; из мира бездействия в мир активных подвигов (*переплыть озеро; открыть запутанное дело* и т. д.).

3. Вакхическая деталь является маркером внутреннего состояния Ольги Скворцовой и показывает изменение ее настроения и душевного состояния. Манера питания графа (*пить, сладко морщась*) также указывает на постоянство его пристрастия, невозможность перемены.

Список источников

1. Козубовская Г. П. Семантический комплекс еды / пищи в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Культура и текст. 2021. № 4(47). С. 203–220.
2. Павловская А. В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Часть 2 // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 26–41.
3. Козубовская Г. П. Проза А. П. Чехова: архетип еды // Культура и текст. 2011. №12. С. 445–464.
4. Михайлова Т. В. Мифопоэтика повести А. П. Чехова «Дуэль» // Культура и текст. 2005. №2. С. 250–266.
5. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора как показатель социокультурных отношений в среде носителей русского языка // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 2(43). С. 190–193.
6. Шабуддаева Н. И. Названия пищи в произведениях А. П. Чехова // Libri Magistri. 2020. № 2 (12). С. 111–123.
7. Куренкова Т. Н. Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова: автореф. ... канд. филол. наук: Кемерово, 2008. 19 с.
8. Катермина В. В. Гастрономическая картина мира в творчестве А. П. Чехова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: Материалы докладов и сообщений Международной научной конференции. Москва-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 402–407.
9. Катермина В. В., Прима А. М. Гендерный вакхический дискурс (на материале рассказа «Женщина с точки зрения пьяницы» А. П. Чехова) // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Труды и материалы Международной конференции. В 2 томах. Казань: КФУ, 2017. С. 144–146.
10. Чехов А. П. Драма на охоте: сборник. М.: АСТ, 2021. 416 с.
11. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. Т. 3. П–Ряшка. 1424 стб.

12. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.07.22).

13. Димитриева О. А. О вакхической лексике в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русская речь. 2020. № 1. С. 56–67.

14. Димитриева О. А. Концептуализация ситуации винопития в художественном мире писателей второй половины XIX в. // Когнитивные исследования языка. 2022. №2 (49). С. 220–225.

15. Акимжанова Р. М. Типология и функции поэтического бестиария повести А. П. Чехова «Драма на охоте» // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2012. № 10. С. 8–12.

16. Гусева Л. М. «Драма на охоте» А. П. Чехова: растительный код в системе персонажей // Культура и текст. 2005. №9. С. 229–243.

References

1. Kozubovskaya, G. P. (2021). *Semanticheskii kompleks edy / pishchi v romane I. A. Goncharova "Obryv"* [Semantic Complex of Food in I. A. Goncharov's Novel "The Cliff"]. *Kul'tura i tekst*. No. 4(47), pp. 203–220. DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-203-220. (In Russian)
2. Pavlovskaya, A. V. (2016). *Gastrosofiya: nauka o ede. K postanovke problemy. Chast' 2* [Gastrosophy: The Science of Food. On the Stated Issue. Part 2]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 1, pp. 26–41. (In Russian)
3. Kozubovskaya, G. P. (2011). *Proza A. P. Chekhova: arhetip edy* [A. Chekhov's Prose: The Archetype of Food]. *Kul'tura i tekst*. No. 12, pp. 445–464. (In Russian)
4. Mihailova, T. V. (2005). *Mifopoetika povesti A. P. Chekhova "Duel"* [Mythopoetics of A. Chekhov's Novel "The Duel"]. *Kul'tura i tekst*. No. 2, pp. 250–266. (In Russian)
5. Boichuk, A. S. (2012). *Gastronomicheskaya metafora kak pokazatel' sotsiokul'turnykh otnoshenii v srede nositelei russkogo yazyka* [Gastronomic Metaphor as an Indicator of Socio-Cultural Relations among Native Speakers of the Russian Language]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*. No. 2(43), pp. 190–193. (In Russian)
6. Shabuldaeva, N. I. (2020). *Nazvaniya pishchi v proizvedeniyah A. P. Chekhova* [The Names of Food in the Works of A. Chekhov]. *Libri Magistri*. No. 2 (12), pp. 111–123. (In Russian)
7. Kurenkova, T. N. (2008). *Leksiko-semanticheskoe pole "Eda" v proizvedeniyah N. V. Gogolya, A. P. Chekhova, M. A. Bulgakova: avtoref. ... kand. filol. nauk* [Lexico-Semantic Field "Food" in the Works of N. V. Gogol, A. P. Chekhov, M. A. Bulgakov: Ph.D. Thesis Abstract]. *Kemerovo*, 19 p. (In Russian)
8. Katермина, V. V. (2016). *Gastronomicheskaya kartina mira v tvorchestve A. P. Chekhova* [The Gastronomic Picture of the World in the Works of A. Chekhov]. *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke: Materialy dokladov i soobshchenii*

Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva-Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, pp. 402–407. (In Russian)

9. Katermina, V. V., Prima A. M. (2017). *Gendernyi vakkhicheskii diskurs (na materiale rasskaza "Zhenshchina s tochki zreniya p'yanitsy" A. P. Chekhova)* [Gender Bacchanalian Discourse (Based on the Story "A Woman from the Point of View of a Drunkard" by A. Chekhov)]. I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: Trudy i materialy Mezhdunarodnoi konferentsii. In 2 v. Kazan', KFU, pp. 144–146. (In Russian)

10. Chekhov, A. P. (2021). *Drama na ohote: sbornik* [The Shooting Party]. Moscow, AST. 416 p. (In Russian)

11. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* (1939) [Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 Vol.]. Pod red. D. N. Ushakova. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., Vol. 3. 1424 clm. P–Ryashka. (In Russian)

12. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 31.07.22). (In Russian)

13. Dimitrieva, O. A. (2020). *O vakkhicheskoi leksike v romane F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i*

nakazanie" [On Bacchanalian Vocabulary in F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment"]. *Russkaya rech'*. No. 1, pp. 56–67. DOI: 10.31857/S013161170008295-3. (In Russian)

14. Dimitrieva, O. A. (2022). *Kontseptualizatsiya situatsii vinopitiya v hudozhestvennom mire pisatelei vtoroi poloviny XIX v.* [Conceptualization of the Wine Drinking Situation in the Fictional World of Writers in the Second Half of the 19th Century]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 2 (49), pp. 220–225. (In Russian)

15. Akimzhanova, R. M. (2012). *Tipologiya i funktsii poeticheskogo bestiariya povesti A. P. Chekhova "Drama na ohote"* [Typology and Functions of the Poetic Bestiary of A. Chekhov's Novel "The Shooting Party"]. *Vestnik Altaiskoi gosudarstvennoi pedagogicheskoi akademii*. No. 10, pp. 8–12. (In Russian)

16. Guseva, L. M. (2005). *"Drama na okhote" A. P. Chekhova: rastitel'nyi kod v sisteme personazhei* ["The Shooting Party" by A. Chekhov: A Plant Code in the System of Characters]. *Kul'tura i tekst*. No. 9, pp. 229–243. (In Russian)

The article was submitted on 14.09.2022

Поступила в редакцию 14.09.2022

Димитриева Ольга Альбертовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева,
428000, Россия, Чебоксары,
К. Маркса, 38.
olgaal_79@mail.ru

Dimitrieva Olga Albertovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical
University,
38 K. Marx Str.,
Cheboksary, 428000, Russian Federation.
olgaal_79@mail.ru